

Dizionario Russo, Latino, Italiano & Francese Георгия Дандоло 1747 года

Наталья Николаева

Abstract: *Giorgio Dandolo's Russian, Latin, Italian & French Dictionary of 1747.* The article describes a handwritten book from the collections of the scientific library of Kazan Federal University, containing the first Russian-Italian dictionary, compiled in 1747 by the Venetian Giorgio Dandolo, an employee of the Board of Foreign Affairs. The reasons for the Academy's refusal to publish this work are discussed. The main lexicographic features of the dictionary are analyzed, including those from the point of view of critical remarks put forward by academics. The conclusion is made about the practical orientation of the grammatical essay and lexicon, written from the point of view of a foreigner and for foreigners studying the Russian language, which is the undoubted value of the work of Giorgio Dandolo.

Keywords: Russian lexicography, Giorgio Dandolo, Russian-Italian dictionary, Russian grammar, Russian as a foreign language

В Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского федерального университета хранится рукописный лексикон середины XVIII века (№ 4479) — *Лексиконъ россійско-латинско-италіанско-французскій* (*Dizionario Russo, Latino, Italiano & Francese*), составителем которого является служащий Коллегии иностранных дел венецианец Георгий Дандоло (Giorgio Dandolo). Университету Лексикон был подарен петербургским купцом С. Зимняковым в 1817 году, о чем имеется запись в библиотечной инвентарной книге.

Краткое описание рукописи можно найти у А. И. Артемьева и С.Б. Радзиевской (Артемьев 1882, 93–5; Радзиевская 1958, 21). Первый разбор несчастливой судьбы Лексикона приведен Н. Поповым (Попов 1859). Им же осуществлена публикация всех полемических писем и обращений автора Лексикона в Академию наук, которые являются составляющей данной рукописной книги.

Предварительный разбор Лексикона и предшествующих ему «грамматических научений» с лингвистической точки зрения представлены в работе Г. А. Николаева и Н. Г. Николаевой (2007), и некоторые ее результаты войдут и в эту статью. Более углубленный анализ грамматического очерка Дандоло проведен Марией Ди Сальво (Ди Сальво 2011).

Книга, как мы видим, имеет сложный состав, так что считаем необходимым здесь его еще раз описать.

Natalija G. Nikolaeva, Kazan State Medical University, Russian Federation, natalia.nikolaeva@kazangmu.ru, 0000-0002-4242-9230

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Natalija G. Nikolaeva, *Giorgio Dandolo's Russian, Latin, Italian & French Dictionary of 1747*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6.25, in Svetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, pp. 343-352, 2024, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0585-6, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

он снова подчеркивает вспомогательную роль французского и латинского: «Что касается наконецъ до латїнскаго, и французскаго языковъ, оныя положены мимоходомъ, хотя притомъ и не безъ надлежащаго прилѣжанїя, однако жъ ради вѣщаго избѣжанїя отъ осужденїя, упомянуть объ нихъ со всею индифферентностїю можно, пусть они стоятъ того, чего стоятъ могутъ» [подчеркнуто Даноло] (Л. 14 об.).

Таким образом, можно сказать, что Георгий Даноло фактически является создателем первого именно русско-итальянского словаря.

Далее (Лл. 17–50) следует очерк русской грамматики на итальянском языке (*L'Instruzioni Gram(m)aticali della Lingua Russa*). Между нею и Предисловием к лексикону на свободном пространстве листов 16–16 об. очевидно позже было вписано добавление к грамматике по-итальянски, которое содержит сведения об особенностях образования видовых форм глаголов, особенностях глагольно-предложного управления, употребления родительного падежа при отрицании. Видимо, это добавление было попыткой внесения исправлений после получения критических замечаний. Рецензенты сурово отнеслись к этим очеркам, осуждая их как некое теоретическое сочинение. Сам же Даноло до конца не определился с его жанром, называя этот очерк то *L'Instruzioni*, то *Erudizioni Grammaticali* и предназначая ему вспомогательную функцию грамматического приложения к словарю («для лучшаго росїйскихъ словъ понятїя»; Л. 8 об.).

Словарь начинается с 58 об. листа (Лл. 57 об.–58 пустые) и продолжается до конца книги, а между грамматикой и словарем помещены ответ Даноло на рецензию из Академии Наук, прошения о публикации словаря и прочие документы, связанные с полемикой вокруг Лексикона. Часть из них написана не рукой Даноло, а писарским почерком. Первый документ датируется сентябрем 1748 года, последняя записка, сделанная на листе 53 об., видимо, на свободном пространстве листа предыдущего документа, может быть отнесена ко времени не ранее 1755 года, так как ссылается на издание ежесычных сочинений Академии января этого же года.

2. Суть полемики

В рукописной книге содержатся только документы, представляющие сторону автора Лексикона (и составленные им самим). Записки Академии касательно продвижения сочинений Даноло можно найти в Материалах для истории Императорской Академии Наук (Материалы 1897; 1900). Но суть первой резко отрицательной рецензии они не меняли.

Сам Даноло полагал, что автором первой рецензии был профессор элоквенции В. К. Тредиаковский, так как словарь был передан в Академию именно ему и подпись на рецензии стояла также его: как секретарь Исторического собрания он завизировал «мнение» от имени «всех господ профессоров» — Василия Тредиаковского, Михайла Ломоносова, Степана Крашенинникова и Никиты Попова (Ломоносов 1955, IX, 627, 939–40). Однако настоящим рецензентом рукописи был М. В. Ломоносов. Его отзыв помещен в IX томе его

Полного собрания сочинений как служебный документ под № 373: 1749 января до 18. Отзыв о лексиконе г. Дандоло, озаглавленный: *Мнение о грамматических правилах и о лексиконе г. Дандоло* (Ломоносов 1955, IX, 621–624). Рецензия весьма суровая. Автор ее заключает, что погрешности книги «так несносны, что сия книга не токмо без стыда сочинителя и без порицания Академии при ней напечатана быть не может, но и легче сочинить новую тему, кто силу знает, нежели сию переправить» (Ломоносов 1955, IX, 624). Такое заключение вытекает из перечисления серьезных недостатков как «грамматики», так и лексикона. В грамматике, как пишет рецензент, правила представлены без порядка, имена смешаны с местоимениями и не разделены на склонения, глагол отнесен в самый конец, отсутствует деление на спряжения; есть также претензии к терминологии и к некоторым представленным формам. В лексиконе Ломоносов также усматривает многочисленные «недостатки и погрешности».

Несмотря на столь строгую рецензию, Дандоло надеется исправить положение и добиться издания Лексикона. По всей видимости, сначала претензии казались ему легко устранимыми. Так, он аккуратнейшим образом исправляет неправильные окончания и формы в грамматической части, а также название относительного падежа заменяет, по указанию Ломоносова, сказательным (Narr.). Эти исправления поистине выполнены филигранно и незаметны на первый взгляд. Он дополняет грамматику примечанием, помещенным на свободном листе до нее. В самом Лексиконе тоже много разного рода правок.

Кроме того, Дандоло обращается с ответом к своему рецензенту, решительно не соглашаясь с рядом замечаний. В этом ответе и в дальнейших своих прошениях Дандоло очень красноречив. Так, он откликается на критику его грамматических наставлений с некоторым театральным самоуничижением: «Елико же касается до настоящей правильной грамматики, то г. Тредьяковский, конечно, такую совершенную сочинить может: а столь много съ одного иностраннаго члѣвка требовать без стыда требователю быть не может!» (Л. 51). Нельзя не отказать этим словам в правоте: в 1747 году необходимость в русской грамматике была очевидна, но пока была написана только одна, В. Адоуровым, на немецком языке в 1731 году, а ломоносовская была еще в работе, и в окончательном виде она появится только спустя десять лет...

В другом «доношении» в Коллегию Дандоло с цицероновым красноречием обличает своих гонителей в двойных стандартах: «Понять я не могу! что оные безумѣнно требуютъ отъ меня совершеннаго лексикона: а сами говорятъ выданными на свѣтъ своими сентиментами: «что всякое дѣло въ началѣ бываетъ несовершенно» [на полях ссылка на Торжество Академии 1749 г.]; оные ничего ни лутчаго, ни худшаго противъ моего лексикона, на италянскомъ языкѣ, въ свѣтъ не выдавая, порочатъ мои труды, а сами же говорятъ: «что чюжія погрѣшности порочить гораздо лехче, нежели самому что лутче дѣлать» [ссылка на то же издание]; оные же наконецъ, несмотря ни на что презирательнымъ образомъ поднесенный мною, отъ единой токмо ревности, лексиконъ, отбрасывая, въ слабости начинающіяся науки приводятъ, а сами говорятъ «ободритъ начинающіяся науки, не щадя своихъ сокровищъ» [ссылка на то же издание с указанием автора слов — Ломоносова]» (Л. 55).

Отчаявшись получить разрешение на публикацию своего труда в России, Дандоло просит «оный мой здѣсь несчастный леѣиконъ хотя за морѣ для напечатанія послать» (Л. 57). Но была ли выполнена эта его просьба, неизвестно, скорее всего нет. В Казани хранится еще одна версия Лексикона (№ 4480), более пространная, чем первая, из чего видно, что Дандоло не прекращал работы по усовершенствованию словаря и не оставлял надежды на его издание.

К сожалению, труд так и остался в рукописном варианте. И тому было, на мой взгляд, две причины. Во-первых, Дандоло и Академия исходили из совершенно разных позиций в отношении представленного венецианцем труда. Как замечает в ответе «Тредьяковскому» сам составитель: «... г. Тредьяковскій, что не важно, то за важное; а что важное, то за неважное почитаетъ» (Л. 51). Для Дандоло его труд имел прежде всего прикладное практическое значение, о чем он не раз упоминает. Он должен был способствовать укреплению дипломатических, торговых связей между странами. Соответственно он представляет русский язык как иностранный и с точки зрения иностранца, что весьма ценно. Кроме того, для него важно было положить начало такого рода пособиям: «... не лутчели, чтобы чтонибудь имѣти на пользу, нежели ничего не имѣти? не лутчели изъ предлежащей приличной матеріи намѣренную форму дѣлать, нежели оную изъ однихъ токмо тщетныхъ замысловъ, завтрѣ, послѣзавтрѣ оболванивать? не лутчели изъ готовой ржаной муки хлѣбъ печь, и алчнымъ подавать, нежели до будущей пшеничной отказывать?» (Лл. 52–52 об.). Академики же подходили к его сочинениям с позиции соответствия фундаментальной теоретической грамматике и толковому словарю. Разумеется, с этой точки зрения труд Георгия Дандоло совершенно никак не соответствовал ни правилам, ни идеалу.

Во-вторых, М. В. Ломоносов в своем отзыве дает понять, что в Академии Наук уже ведется работа над составлением словаря совершенно другого масштаба: «споможением Андрея Богданова, собрано и по алфавиту расположено больше 60000 российских чистых речений, которых много уже протолковано и переведено на другие языки» (Ломоносов 1955, IX, 624). По всей видимости, Ломоносов курировал этот проект, на фоне которого попытка Дандоло явно проигрывала. Нужно сказать, что и словарь Богданова никогда не был издан. Его ждала другая, но также печальная судьба, о которой повествует в своей статье Н. Н. Аблов. Работа по собиранію этого лексикона была начата в 1735 году под эгидой «Российского собрания» при Академии Наук. К 1750 году словарь насчитывал 14 томов, но, по-видимому, только русских слов. Со временем предполагалось дополнить их латинским, немецким и французским переводом. В 1766 году, когда основной его составитель, Андрей Богданов, умер, словарь увеличился уже до 18 томов. Но после смерти Богданова они 20 лет пролежали «без всякого движения». Потом их нашли, но, поскольку они были из-за чрезвычайной скромности составителя не подписаны, их расшили и раздали отдельным членам Словарной комиссии «для выборки, просмотра и редактирования». Фактически таким образом труд как некое единое целое был уничтожен. Лишь что-то из него впоследствии легло в основу для словника Словаря Академии Российской (см. об этом: Аблов 1941, 139–41).

3. Лексикон

По утверждению Ломоносова, Лексикон Дандоло насчитывает не более 8000 единиц (если убрать разные формы одного и того же слова и т. п.). Мы бы оценили состав словаря в 9000–10000 единиц. Трудность подсчетов заключается не только в самом объеме лексикона, но и в особенностях распределения материала. Эти особенности связаны прежде всего с тем, что словарь создан для итальянцев, не обязательно хорошо владеющих русским языком. Дандоло, будучи сам носителем итальянского языка, исходит из понимания того, с какими трудностями они могут столкнуться. Кроме того, он не сопровождает словарную статью грамматическим аппаратом, что также в свою очередь обуславливает специфику подачи словарного материала.

Прежде всего это касается слов с чередованием звуков. Так, например, слово *ровь* и его косвенные формы разнесены в разные статьи: *rva caso genet.*, *rvomъ instr.* Оба слова объединены фигурной скобкой и дано указание — *V. ровь* (которое расположено через четыре листа после них согласно алфавитному порядку). Вообще чередования, очевидно, одна из трудностей русского языка для Дандоло, поэтому он уделяет им особое внимание. Но через них же он обнаруживает связь множества слов, которую он стремится раскрыть. Например, он размещает одно под другим слова *бережливъ, бережный, бережливость, береженіе, бережь*, объединяет их фигурной скобкой и дает примечание: *tutto discende dal verbo берегу*. Конечно, с точки зрения современной словообразовательной науки, не все эти слова образованы непосредственно от этого глагола (хотя и большинство из них), но для Дандоло главное протянуть связи там, где иностранцу они не очевидны. Инфинитивы с чередованием этого глагола также выделены в словарные статьи: *беречь infin. V. берегу* и *бережися questo è inf. di бережуся*.

Вообще фигурная скобка — излюбленный знак организации словарного материала у автора. Какие слова он объединяет таким образом?

Во-первых, это синонимы, однокорневые и словообразовательные: *божественъ, божескъ и божій, мокрость и мокрота, живописание и живопись, живописатель и живописец, лгатель и лгачь, гонитель и гонящий, бродяга и бродящий, бѣглець и бѣглый, ластовица и ласточка, ласкание и ласка, блескъ и блесканіе* и т. п.

Во-вторых, это пары мотивирующего и мотивированного слов: *богоугождаю > богоугодный, безбожный > безбожность, болтаю > болтунъ, бѣдствую > бѣдствіе, изыскиваю > изыскиваніе, искажить > искаженіе, проступаюся > проступка* и др.

В-третьих, видовые пары глагола: *бѣгаю — бѣгу, изувѣчиваю — изувѣчу, накупаю — накуплю, замахиваюся — замахнуся* и др.

В-четвертых, краткие и полные формы прилагательных: *нужень — нужный, правень — правный, священень — священный* и др.

В-пятых, пары орфоэпические и орфографические (по разным основаниям): *бию и бію, возвратнѣ и возвратно, мягкой и мягкій* и др.

В-шестых, пары словоформ с чередованием: *блудить и блужу, борець и борцамъ* и др.

В-седьмых, гендерные пары: *самецъ* и *самка*.

Наконец, во многих случаях речь идет не о парах, а о целых гнездах одно-коренных слов, типа: *богатство* — *богатый* — *богатью*, *бунтъ* — *бунтовать* — *бунтовщикъ* — *бунтующий* — *бунтую*. Знак скобки во второй части словаря может отсутствовать, но принцип остается прежним: *повелитель* — *повелительный* — *повелительно* — *повелительство* — *повельваю* — *повелительница* — *повельнѣ*.

Предполагаю, что есть еще какие-то основания для объединения слов. В любом случае все они направлены на облегчение постижения особенностей иностранного языка.

Дандоло, однако, сам порой нарушает свои принципы. В этом проявляется субъективность составителя, неизбежная в процессе работы над такого рода сочинением. Субъективность выражается не только в отступлении от собственных правил, но и прежде всего в подборе значений. Так, например, для слова *тишина* венецианец подбирает эквивалент *serenità* и предлагает также обратиться к слову *тихость*. При этом он не объединяет их излюбленным приемом в одно лексикографическое гнездо даже при наличии в этой паре чередования! Смотрим слово *тихость* — и у него обнаруживается целое множество итальянских эквивалентов: *quietezza, tranquillizza [sic], calma, bonaccia, giovialità*. Возможно, подразумевалось, что слово *тишина* обозначало все это тоже, но из подачи материала это неочевидно.

Еще один пример субъективной подачи материала: для слова *самовластїе* Дандоло приводит итальянские соответствия *il libero arbitrio, dispotismo, indipendenza, potenza assoluta, libera potestà* и объединяет это слово со словом *самоволство*, которому не дает отдельного итальянского перевода, только латинский (*arbitrium liberum*), и отсылает нас к слову *своенравїе* (*pertinacia, ostinazione*), при том что слово *своеволство* (*arroganza*) у него тоже есть, но с этой цепочкой слов оно оказывается не связано.

Георгий Дандоло четко соблюдает принцип представления омонимов: они составляют каждый отдельную статью. Например: *баба donna, femmina, баба nonna, баба macchina; отечество patria, отечество nome del padre* и т.п.

В стилистическом отношении лексика, представленная в словаре, самая разнообразная. Наряду с высокими и нейтральными словами, в нем можно найти и разговорные и просторечные формы типа *ажно, баба, барышь, барышникъ, бахарь* 'болтун', *парень, балы точу* 'рассказываю' и др. Все это подтверждает справедливое замечание Ю. С. Сорокина о XVIII веке как веке «словесного эксперимента» (Сорокин 1965, 36). Заметим, однако, что иностранцу было достаточно тяжело в этом эксперименте ориентироваться, что, кстати, подтверждает стилистическая неровность его полемических писем.

В генетическом отношении Лексикон включает и заимствованные слова (так, набирается почти лист слов на литеру Ф). Однако мы не нашли в его словаре тех заимствований, которые он сам употребляет в своих сопроводительных документах (*форма, индиф(ф)ерентность* и некоторые другие).

Вспомним замечания Ломоносова к Лексикону («великие и многие недостатки и погрешности») и рассмотрим, насколько они справедливы.

Первое замечание связано с тем, что «почти у всех многозначительных слов положено по одному знаменованию» (Ломоносов 1955, IX, 622). Уже несколько вышеперечисленных примеров показали нам, что эквивалентов обычно дается несколько. Не исключая случаев, когда действительно какие-то значения опущены, мы, однако, не можем согласиться со столь категоричным утверждением о лексикографическом описании многозначных слов у Дандоло.

Далее следует замечание о пропуске латинского перевода у многих слов. Надо заметить, пропускается иногда не только латинский, но и итальянский (см. пример выше), и французский эквивалент, а некоторые слова (таких примеров мало, но они есть) вообще остаются без перевода. Но вспомним, что составитель полагал латинский перевод как «помоществовательный», а следовательно, не обязательный. В критике рецензента смысловой акцент концентрируется на утверждении такого явления «у многих слов», что не соответствует действительности.

Замечание об отсутствии грамматического аппарата в словарных статьях (нет указания на склонение у существительных, форм родительного падежа; отсутствует указание на спряжение у глаголов и т. п.) полностью справедливо, но не будем забывать назначение словаря — не описательное, но практическое. Отсюда и корень следующего замечания, что много слов пропущено: количество слов в словаре зависит от его назначения.

Больше всего путаницы возникло, мне кажется, в связи с последним пунктом в «недостатках»: «Фразисов и идиотизмов нет, которые в лексиконах быть должны» (Ломоносов 1955, IX, 623). Дандоло в своем ответе оправдывается, приводя пословицу о синице в руке, которая была в первоначальной редакции Лексикона, а потом начинает вносить исправления в свой словарь, насыщая его цитатами из античных писателей и философов. Так, в конце статей под литерой Б он вставляет необычное слово *бълоръчїе* ради изречения Марка Аврелия: *напрасно Галлїнусъ бълоръчїемъ тищеславится, ежели дѣла ево черны*. И т. п. На самом деле нужные для его дела «фразисы» в его Лексиконе присутствовали изначально. Например, к слову *баба* в значении *poppa* Дандоло притягивает слово *бабка*, указывает на то, что оно употребляется в сочетании *бабка повивальная* и отсылает смотреть *повивальная бабка*. Со словом *счастїе* (*sorte, fortuna, felicità, ventura*) он рассматривает и устойчивый оборот *по счастїю* (*à sorte*). Такие единицы гораздо полезнее иностранцу, изучающему русский язык, чем переведенные и малоизвестные афоризмы.

Из выделенных Ломоносовым «погрешностей» надо согласиться с «неточным наблюдением алфавита» (Ломоносов 1955, IX, 623). Эти нарушения касаются, в основном, несоблюдения азбучной последовательности вторых и третьих букв слова, что затрудняет поиск слова в словаре. Вот пример словорасположения в Лексиконе: *алчу, атласъ* (*atlante*), *атласъ* (*raso*), *англїя* [на полях], *ахъ, ароматы, алый, анбаръ хлѣбный* и т. п. Во втором своем словаре Дандоло исправляет этот недочет.

Рецензент приводит некоторые примеры неправильно написанных русских слов, а также «будущие времена вместо настоящих вместо темы положенные» — таких он указывает всего две статьи: *растерзаю* и *послушаю*.

Дандоло отвергает обвинение в использовании «нововымышленных слов», ссылаясь на то, что такие слова есть в Лексиконе Федора Поликарпова (и так мы узнаем один из источников Лексикона Дандоло). Действительно странно, что к этой категории критик отнес такие единицы, как *решительно*, *раболепность*, *опредѣлительно*, *путешественный* (фиксируется, по данным словарей, с XVI века), *квасноватый* (фиксируется Словарем русского языка XVIII века в значении 'кисловатый'). То есть большинство слов из «нововымышленных» таковыми не являются.

Наконец последняя «погрешность» состоит в ложных переводах русских слов на латинский и другие языки. Но этот пункт наиболее подвержен субъективизму. Почему перевод слова *кабакъ* как *taberna*, *рядовой* как *miles*, *semplice soldato*, *раченіе* как *cupido*, *desiderium* и т. п. не верны? Не сам ли критик только что говорил о многозначности русских слов, а теперь считает ошибочным перевод слова *рыхлый* как *mollis* 'мягкий' (лат.), *tendre* 'нежный' (франц.), *morboſo* 'болезненный' (ит.)?

Некоторые замечания Ломоносова справедливы, некоторые субъективны, а некоторые связаны с тем, что он не учитывает предназначения представленного Академией Лексикона, не претендующего на роль фундаментального грамматического и лексикографического описания русского языка, а созданного для таких же, как сам Дандоло, людей, решившихся преодолеть трудности нового для них иностранного языка.

В целом, Лексикон Георгия Дандоло представляет возможность исследователю получить дополнительную информацию о языковой картине XVIII века, взглянув на нее через наблюдения лексикографа, для которого русский язык не был родным.

Архивные материалы

Отдел Рукописей и Редких Книг Казанского (Приволжского) Федерального Университета: Дандоло Г. Леѣиконъ російско-латинско-италіанско-французкій. ОРРК НБ КФУ (Казань), № 4479.

Литература

- Аблов, Николай Н. 1941. "Сподвижник Ломоносова, первый русский книговед — Андрей Богданов (1693–1766)." *Советская библиография* 1 (19): 134–51.
- Артемьев, Александр И. 1882. *Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Императорского Казанского университета*. Санкт-Петербург: Изд. Археогр. комис.
- Ломоносов, Михаил В. 1955. *Полное собрание сочинений*. Т. IX. Москва: Издательство АН СССР.
- Материалы для истории Императорской Академии Наук*. 1897. IX. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.
- Материалы для истории Императорской Академии Наук*. 1900. X. СПб: Типография Императорской Академии Наук.
- Николаев, Геннадий А. и Наталия Г. Николаева. 2007. "Рукописные лексиконы XVIII века Георгия Дандоло (из фондов научной библиотеки Казанского университета)."

- В VIII Славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и профессора Г. И. Сафронова. Славянская филология в современной системе университетского словообразования: Материалы международной научной конференции (12–13 сентября 2006 г.), 108–115. Санкт-Петербург: Филол. фак. СПбГУ.
- Попов, Нил А. 1859. “Георгий Дандоло, русский лексикограф и переводчик прошлого столетия.” *Библиографические записки* 7: 195–220.
- Радзиевская, Софья Б. 1958. *Описание рукописей научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского*. Вып. II: Лингвистика. Казань: Казанский Гос. Университет.
- Сорокин, Юрий С. 1965. “О «Словаре русского языка XVIII века».” *Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века*, 5–42. Москва: Наука.
- Di Salvo, Maria. 2011. “Дж. Дандоло и его русская «грамматика» (1747 г.)” In Maria Di Salvo. *Italia, Russia e mondo slavo. Studi filologici e letterari*. A cura di A. Alberti. M. C. Bragone, G. Brogi Bercoff, L. Rossi, 7–11. Firenze: Firenze University Press. [Reprint from: Di Salvo, Maria. 2001. “Дж. Дандоло и его русская «грамматика» (1747 г.)” In *Reflexions on Russia in the Eighteenth Century*, edited by Klein, Joachim, Dixon, Simon, and Marteen Fraanje, 322–27. Köln: Böhlau].